

ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА

НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОВЕДЕНИЯ

Б. Ф. СКИННЕР

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Легенды психологии. Книги Б. Ф. Скиннера

Беррес Фредерик Скиннер

**По ту сторону свободы
и достоинства**

«ЭКСМО»

1971

УДК 159.9
ББК 88

Скиннер Б.

По ту сторону свободы и достоинства / Б. Скиннер — «Эксмо»,
1971 — (Легенды психологии. Книги Б. Ф. Скиннера)

ISBN 978-5-04-193761-4

Беррес Фредерик Скиннер (1904-1990) — основоположник бихевиоризма и одна из самых влиятельных фигур в истории психологии. В своей знаменитой работе «По ту сторону свободы и достоинства» он отстаивает собственную философию, в основе которой заложена уникальная теория о технологии человеческого поведения. Дискуссионные мысли о свободе, личности и наказании раскрывают взгляд признанного классика мировой психологии на проблемы современного общества, его возможности, потери и будущее. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-04-193761-4

© Скиннер Б., 1971
© Эксмо, 1971

Содержание

1. Технология поведения	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Беррес Фредерик Скиннер

По ту сторону свободы и достоинства

Посвящается Джустин и ее вселенной

Burrhus Frederic Skinner
BEYOND FREEDOM AND DIGNITY

© 1971 by B.F. Skinner

Reprinted 2002 by arrangement with the B.F. Skinner

Foundation by Hackett

Publishing Company, Inc.

Russian edition published by arrangement with the Literary Agency Eulama Lit.Ag.

© Митрофанов И. В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

1. Технология поведения

Пытаясь решить ужасающие проблемы, которые стоят перед нами в современном мире, мы, естественно, обращаемся к тому, что умеем делать лучше всего. Мы играем от силы, а это наука и технологии. Чтобы сдерживать демографический взрыв, ищем лучшие методы контроля рождаемости. Из-за угроз ядерным холокостом создаем более мощные способы сдерживания и системы противоракетной обороны. Пытаемся предотвратить мировой голод с помощью новых продуктов питания и лучших методов их выращивания. Улучшение санитарных условий и медицины, как мы надеемся, поможет справиться с болезнями. Улучшение жилищных условий и транспорта решит проблемы гетто, а новые способы сокращения или утилизации отходов остановят загрязнение окружающей среды. Мы можем указать на замечательные достижения во всех этих областях, и неудивительно, что необходимо расширять их. Однако ситуация неуклонно ухудшается, и с сожалением приходится констатировать: в этом все чаще виноваты сами технологии. Санитария и медицина обострили проблемы народонаселения, война стала еще ужаснее с изобретением ядерного оружия, а погоня за счастьем в достатке в значительной степени ответственна за загрязнение окружающей среды. Как сказал Дарлингтон¹: «Каждый новый источник человеческой власти на земле использовался для уменьшения перспектив потомков. Весь прогресс цивилизации достигнут за счет ущерба, нанесенного окружающей среде, который люди не в силах исправить и не могли предвидеть».

Независимо от того, можно ли было предвидеть ущерб или нет, люди должны его устранить, иначе всему конец. И сделать это можно, если осознать природу трудностей. Применение лишь физических и биологических наук не позволит разобраться, поскольку решения лежат в другой области. Лучшие контрацептивы способны контролировать численность населения, только если люди их используют. Новое оружие можно противопоставить новой оборонительной системе и наоборот, но ядерный холокост можно предотвратить лишь тогда, когда изменятся условия, в которых государства развязывают войны. Новые методы сельского хозяйства и медицины не помогут, если их не применять на практике, а жилье – это вопрос не только зданий и городов, но и образа жизни. Перенаселенность можно устранить, только побудив людей не тесниться, а состояние окружающей среды продолжит ухудшаться, пока не прекратится загрязнение.

Если коротко: требуются огромные изменения в поведении человека, и этого не сделать с помощью одной физики или биологии, как бы мы ни старались. (Есть и другие проблемы, такие как распад системы образования, недовольство и бунт молодежи, к которым физические и биологические технологии настолько очевидно не имеют отношения.) Недостаточно «использовать технологии с углубленным пониманием человеческих проблем», или «посвятить технологии духовным потребностям человека», или «побудить ученых обращать внимание на людские трудности». Подобные формулировки подразумевают, что в точке, где начинается человеческое поведение, технология кончается и мы должны продолжать, как и в прошлом, пользоваться тем, что узнали из личного опыта или из тех коллекций личного опыта, которые называются «историей», или из сборников опыта, которые можно найти в народной мудрости и традиционных правилах. Они доступны на протяжении веков, и все, что мы в силах показать с их помощью, – сегодняшнее состояние мира.

Что нам нужно, так это технология поведения. Мы могли бы разобраться со всеми вопросами достаточно быстро, если бы регулировали рост населения планеты так же точно, как

¹ *Сирил Дин Дарлингтон* (19 декабря 1903 – 26 марта 1981) – английский ботаник и генетик, принадлежит к числу создателей цитогенетики, классик цитозембриологии растений, один из создателей синтетической теории эволюции (Прим. ред.). Darlington C. D. The Evolution of Man and Society. Quoted in Science, 1970, 168, 1332.

курс космического корабля, или совершенствовать сельское хозяйство и промышленность с такой же уверенностью, с какой ускоряем частицы высоких энергий, или двигаться к установлению мира на планете с той же неуклонностью, с какой физики приближаются к абсолютному нулю (хотя и то и другое остается, по-видимому, недостижимым). Однако технологии поведения, сравнимые по мощности и точности с физическими и биологическими, отсутствуют, и те, кому сама возможность не кажется смешной, скорее напуганы, чем обнадежены. Вот насколько мы далеки от «понимания человеческих проблем» в том смысле, в котором физика и биология понимают свои области, и насколько далеки от предотвращения катастрофы, к которой, похоже, неумолимо движется мир.

Две с половиной тысячи лет назад можно было сказать, что человек понимает себя так же хорошо, как и любую другую часть окружающего мира. Сейчас он понимает себя меньше всего. Физика и биология проделали огромный путь, но сравнимого развития науки о человеческом поведении не произошло. Древнегреческие физика и биология сегодня представляют разве что исторический интерес (ни один современный физик или биолог не обратится за помощью к Аристотелю), хотя «Диалоги» Платона по-прежнему задают студентам и цитируют, словно они проливают свет на человеческое поведение. Аристотель не смог бы понять ни страницы современной физики или биологии, зато Сократ и его друзья без труда разобрались бы в большинстве современных дискуссий о человеческих делах. Что касается технологий: мы добились огромных успехов в управлении физическими и биологическими системами, но наши методы управления, образования и экономики, хотя и приспособлены к совершенно другим условиям, существенно не улучшились.

Вряд ли можно объяснить это тем, что греки уже знали все что можно о человеческом поведении. Конечно, в этой теме они разбирались больше, чем в материальном мире, и все равно не так уж хорошо. Более того, их представление о человеческом поведении наверняка имело некий фатальный изъян. Если античные физика и биология, какими бы несовершенными ни были, в итоге привели к современной науке, то древнегреческие теории человеческого поведения никуда не привели. Если они сохранились до наших дней, то не потому, что обладали какой-то вечной истиной, а потому, что не содержали предпосылок для чего-то большего.

Всегда можно возразить, что человеческое поведение – это особенно сложная область. Так и есть, и мы особенно склонны так думать именно потому, что плохо в ней ориентируемся. Современные физика и биология успешно занимаются предметами, которые, безусловно, не проще многих аспектов человеческого поведения. Разница в том, что используемые приборы и методы имеют соизмеримую сложность. Тот факт, что в области человеческого поведения нет столь же мощных инструментов и методов, не объясняет ситуацию; это лишь часть головоломки. Действительно ли легче отправить человека на Луну, чем повысить уровень образования в государственных школах? Или построить лучшее жилье для всех? Обеспечить каждому возможность иметь достойную работу и, как следствие, более высокий уровень жизни? Это не вопрос выбора, так как никто не сказал бы, что попасть на Луну важнее. Привлекательность полета на Луну заключалась в его осуществимости. Наука и технология достигли того уровня, когда одним мощным рывком можно добиться желаемого. Проблемы, связанные с человеческим поведением, не вызывают такого же восторга. Мы и близко не подошли к решению.

Легко прийти к выводу: в человеческом поведении есть нечто, что делает научный анализ, а значит, и эффективные технологии невозможными, но мы отнюдь не исчерпали возможности. В определенном смысле можно сказать, что научные методы почти не применялись к человеческому поведению. Мы использовали инструменты, считали, измеряли и сравнивали, однако во всех современных дискуссиях о человеческом поведении отсутствует нечто необходимое для научной практики. Это связано с нашим отношением к причинам поведения. (Тер-

мин «причина» больше не является общепринятым в специфической научной литературе, но здесь подойдет.)²

Первый опыт понимания причин, вероятно, усвоен человеком из собственного поведения: вещи двигались, потому что он их двигал. Если двигались другие предметы, это происходило потому, что их двигал кто-то другой, а когда двигавшего нельзя увидеть, значит, он невидим. Таким образом, причиной физических явлений служили греческие боги. Обычно они находились вне вещей, которые двигали, но могли проникать и «вселяться»³ в них. Физика и биология вскоре отказались от подобных объяснений и обратились к более подходящим. Только в области человеческого данный шаг так и не совершили. Благоразумные люди больше не верят, что человек одержим бесами (хотя их изгнание иногда практикуется, а демоническое вновь встречается в работах психотерапевтов), и все же поведение человека по-прежнему часто приписывают обитающим в нем агентам. Например, о малолетнем преступнике говорят, что он страдает от нарушений личности. Не было бы смысла так говорить, если бы личность не была каким-то образом отлична от попавшего в неприятности тела. Различие становится совершенно очевидным, когда говорят, что одно тело вмещает несколько личностей, которые управляют им по-своему в разное время. Психоаналитики выделили три таких личности – Я, Сверх-Я и Оно, а взаимодействие между ними, как утверждается, отвечает за поведение человека, в котором они находятся.

Хотя в физике вскоре перестали персонифицировать вещи таким образом, долгое время продолжали повторять, будто они обладают волей, импульсами, чувствами, целями и другими фрагментарными атрибутами обитающего в них агента. Согласно Баттерфилду⁴, Аристотель считал, будто падающее тело ускоряется, так как начинает ликовать по мере приближения к дому, а более поздние авторитеты предполагали, что снаряд несется вперед под действием импульса, называемого «импульсивностью». От всего этого в конце концов отказались, и к лучшему, но науки о поведении по-прежнему апеллируют к сопоставимым внутренним состояниям. Никого не удивляют слова, что человек, несущий хорошие новости, идет быстрее, поскольку радуется; действует неосторожно из-за импульсивности; упрямо продолжает действовать благодаря силе воли. Небрежные ссылки на умысел все еще можно найти и в физике, и в биологии, однако в надлежащей практике им нет места. Тем не менее почти все приписывают человеческое поведение намерениям, целям, замыслам и задачам. Если все еще уместен вопрос, может ли машина иметь намерения, он в значительной степени подразумевает следующее: будь это возможно, она станет больше походить на человека.

Физика и биология отошли от персонифицируемых причин еще дальше, начав приписывать поведение вещей сущности, качествам или природе. Для средневекового алхимика, например, некоторые свойства вещества могли быть обусловлены ртутной сущностью, вещества сравнивались в том, что можно было бы назвать «химией индивидуальных различий». Ньютон жаловался на эту практику современников: «Сказать, что каждая вещь наделена особым оккультным качеством, благодаря которому действует и производит видимые эффекты, – значит не сказать ничего». (Оккультные качества – примеры гипотез, которые Ньютон отверг, сказав: «*Hypotheses non fingo*»⁵, хотя сам не был настолько хорош, как его слова). Биология долгое время продолжала апеллировать к *природе* живых существ и полностью отказалась от жизненных сил лишь в XX веке. Поведение, однако, по-прежнему приписывается челове-

² Что больше не встречается в сложных научных трудах, так это причинность, характерная для науки XIX века. Причины, о которых здесь идет речь, – это, технически говоря, независимые переменные, от которых поведение является функцией как зависимая переменная. Подробнее см. НЧП, глава 3.

³ Подробнее см. в *Contingencies of Reinforcement: A Theoretical Analysis* (New York: Appleton-CenturyCrofts, 1969), глава 9.

⁴ *Сэр Герберт Баттерфилд* – британский историк, профессор Кембриджа (*Прим. науч. ред.*).

⁵ В переводе с латинского: «Гипотез не измышляю» (*Прим. науч. ред.*).

ской природе, существует обширная «психология индивидуальных различий», в которой люди сравниваются и описываются в терминах черт характера, способностей и возможностей.

Почти каждый, кто занимается человеческими делами, – политолог, философ, литератор, экономист, психолог, лингвист, социолог, теолог, антрополог, педагог или психотерапевт – продолжает говорить о человеческом поведении в этом донаучном ключе. Каждый номер ежедневной газеты, каждый журнал, профессиональное издание, книга, имеющая хоть какое-то отношение к человеческому поведению, приводит примеры. Нам говорят, что для контроля количества людей в мире необходимо изменить *отношение* к детям, преодолеть *гордость* за размер семьи или сексуальную активность, сформировать *чувство ответственности* перед потомством и уменьшить роль большой семьи в *заботе* о старости. Чтобы работать на пользу всего мира, мы должны бороться с *волей к власти* или *параноидальными заблуждениями* лидеров; должны помнить, что войны начинаются в *умах* людей, что в человеке есть нечто самоубийственное – возможно, *инстинкт смерти*, – что ведет к войне, а человек *агрессивен* по своей *природе*. Чтобы решить проблемы бедности, нужно внушить бедным *уважение* к себе, поощрять *инициативу* и бороться с *разочарованием*. Чтобы смягчить *недовольство* молодежи, мы должны дать им *чувство цели* и ослабить ощущение *отчуждения* или *безнадежности*. Понимая, что у нас нет эффективных средств, чтобы сделать все это, мы сами можем испытать *кризис веры* или *неуверенность*, исправить которые можно, только вернувшись к *надежде* на *внутренние возможности человека*. Это обычная практика. Почти никто не ставит ее под сомнение. Однако ничего подобного нет ни в современной физике, ни в биологии, и этот факт может объяснить, почему наука и технология поведения так долго откладывались.

Обычно считается, что «бихевиористские» возражения против идей, чувств, черт характера, воли и так далее касаются материи, из которой они, как считается, сделаны. Конечно, некоторые трудноразрешимые вопросы о природе разума обсуждаются уже более двадцати пяти сотен лет и до сих пор остаются без ответа. Как, например, разум может двигать телом? Уже в 1965 году Карл Поппер⁶ сформулировал данный вопрос следующим образом: «Мы хотим понять, как такие нематериальные вещи, как *цели, размышления, планы, решения, теории, нервные напряжения и ценности*, могут играть роль в осуществлении физических изменений в материальном мире». И, конечно, хотим знать, откуда берутся эти нематериальные вещи. На этот вопрос у древних греков был простой ответ: боги. Как отмечает Доддс⁷, они верили: если человек ведет себя глупо, значит, злонамеренный бог поселил в его груди *ἄτη* (помешательство, безрассудность). Доброжелательный мог дать воину больше *μένος* (стремительность, неукротимость), и тогда тот мог сражаться лучше. Аристотель считал, что в мысли есть нечто божественное, а Зенон утверждал: разум *и есть* Бог.

Сегодня мы не придерживаемся этой линии, и самая распространенная альтернатива – апеллировать к предшествующим физическим событиям. Считается, что генетическая одаренность человека, являющаяся продуктом эволюции вида, частично объясняет работу его разума, а остальное – личная история. Например, из-за (физической) конкуренции в ходе эволюции люди испытывают (нефизические) чувства агрессии, которые приводят к (физическим) актам враждебности. Или (физическое) наказание, которое получает маленький ребенок, когда участвует в сексуальной игре, вызывает (нефизическое) чувство тревоги, мешающее его (физическому) сексуальному поведению во взрослой жизни. Нефизическая стадия, очевидно, охватывает длительные периоды времени: агрессия присутствует на протяжении миллионов лет эволюционной истории, а приобретенная в детстве тревога сохраняется до старости.

⁶ Карл Поппер – основоположник философской концепции критического рационализма (Прим. ред.). Popper K. R. Of Clouds and Clocks. St. Louis: Washington University Press, 1966, p. 15.

⁷ Эрик Робертсон Доддс, в публикациях Э. Р. Доддс, – британский филолог-классик, историк Античности и Средневековья, издатель и комментатор греческой философии и словесности, издатель трудов Еврипида, Платона, Прокла (Прим. ред.). Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. – М. – СПб.: Московский философский фонд, 2000.

Проблемы перехода от одних категорий вещей к другим можно было бы избежать, если бы все было либо ментальным, либо физическим и рассматривались обе возможности. Некоторые философы пытались остаться в мире разума, утверждая, что реален только непосредственный опыт, а экспериментальная психология началась как попытка открыть психические законы, управляющие взаимодействием между психическими составляющими. Современные «интрапсихические» теории в психотерапии рассказывают, как одно чувство ведет к другому (например, фрустрация порождает агрессию), как чувства взаимодействуют и как те, что были вытеснены из сознания, пытаются вернуться обратно. Как ни странно, точка зрения, согласно которой психическая стадия на самом деле является физической, была принята еще Фрейдом, полагавшим, что физиология в итоге объяснит работу психического аппарата. Аналогичным образом многие физиологические психологи продолжают свободно говорить о состояниях ума, чувствах и так далее, полагая, что понимание физической природы лишь вопрос времени.

Пространство разума и переход из одного мира в другой действительно поднимают неудобные вопросы, но их обычно можно игнорировать, и это хорошая стратегия, поскольку главное возражение против ментализма носит совсем другой характер. Мир разума перетягивает на себя одеяло. Поведение не признается самостоятельным субъектом. В психотерапии, например, тревожные вещи, которые человек делает или говорит, почти всегда рассматриваются просто как симптомы, и по сравнению с завораживающими драмами, которые разыгрываются в глубинах сознания, само поведение кажется поверхностным. В лингвистике и литературной критике сказанное человеком почти всегда рассматривается как выражение идей или чувств. В политологии, теологии и экономике поведение изучается как информация, из которой можно сделать вывод об отношении, намерениях, потребностях и так далее. На протяжении более двадцати пяти сотен лет пристальное внимание уделялось психической жизни. Лишь недавно предприняли усилия по изучению поведения человека как чего-то более сложного, чем просто побочный продукт.

Условия, от которых зависит поведение, также игнорируются. Объяснение с позиции разума сводит любопытство на нет. Мы видим это в обычном разговоре. Если спросить кого-то: «Почему ты пошел в театр?», а он ответит: «Потому что захотелось», мы склонны воспринимать эти слова как объяснение. Гораздо интереснее узнать, что происходило, когда он ходил в театр в прошлом, что слышал или читал о пьесе, которую отправился посмотреть, и какие другие вещи в его прошлом или настоящем могли побудить его пойти (в отличие от того, чтобы сделать что-то иное). Однако мы принимаем «захотелось» как обобщение и вряд ли потребуем подробностей.

Профессиональные психологи часто останавливаются в той же точке. Давным-давно Уильям Джеймс⁸ поправил господствующий взгляд на связь между чувствами и действиями, утверждая, например, что мы не убегаем из-за страха, а боимся, потому что убегаем. Другими словами, то, что мы чувствуем, когда испытываем страх, и есть наше поведение – то самое, которое в традиционном представлении выражает чувство и объясняется им. А многие ли из тех, кто рассматривал аргумент Джеймса, заметили, что никакого предшествующего события не указано? Ни то ни другое «потому что» не следует воспринимать всерьез. Нет никакого объяснения причины бегства и страха.

Независимо от того, рассматриваем ли мы чувства или поведение, которое, как предполагается, ими вызвано, мы уделяем мало внимания предшествующим обстоятельствам. Психотерапевт узнает о ранней жизни пациента почти исключительно из воспоминаний пациента, которые, как известно, ненадежны, и даже может утверждать, что важно не произошедшее на самом деле, а то, что пациент помнит. В психоаналитической литературе на каждую ссылку на эпизод насилия, к которому можно отнести тревогу, приходится не менее сотни ссылок на само

⁸ James W., What Is an Emotion? Mind, 1884, 9, 188–205.

чувство тревоги. Похоже, мы предпочитаем истории предшествующих событий, которые явно недоступны. Например, в настоящее время мы интересуемся тем, что должно было произойти в ходе эволюции вида, чтобы объяснить поведение человека, и, похоже, говорим об этом с особой уверенностью только потому, что случившееся на самом деле можно лишь подразумевать.

Не понимая, как и почему наблюдаемый нами человек ведет себя так, как он себя ведет, мы приписываем его поведение человеку, которого не видим, чье поведение тоже не можем объяснить, но о котором не склонны задавать вопросы. Вероятно, мы используем данную стратегию не столько из-за отсутствия интереса или возможностей, сколько из-за давнего убеждения, будто для большей части человеческого поведения *не существует* значимых предпосылок. Функция внутреннего человека заключается в том, чтобы дать объяснение, которое не поддается объяснению. Оно останавливается. Человек не является посредником между прошлой историей и текущим поведением, он *центр*, откуда исходит поведение. Он инициирует, зарождает и создает и при этом остается, как и для древних греков, божественным. Мы говорим, что он автономен – и, если говорить языком науки о поведении, это означает «чудо».

Эта позиция, конечно, уязвима. Автономная личность служит объяснением тех вещей, которые мы пока не можем описать иными способами. Ее существование зависит от незнания, и она, естественно, теряет статус по мере того, как мы узнаем больше о поведении. Задача научного анализа – объяснить, как поведение человека как физической системы связано с условиями, в которых развивался человеческий вид, и условиями, в которых живет отдельный человек. Если не существует какого-то прихотливого или творческого вмешательства, события должны быть связаны, и никакого вмешательства на самом деле не требуется. Условия выживания, ответственные за человеческий генетический набор, порождают склонность к агрессивным *действиям*, а не чувство агрессии. Наказание за сексуальное поведение изменяет сексуальное *поведение*, а любые возникающие чувства в лучшем случае являются побочными продуктами. Наш век страдает не от тревожности, а от несчастных случаев, преступлений, войн и других опасных и болезненных вещей, которым так часто подвергаются люди. Молодые люди бросают школу, отказываются от работы и общаются только с ровесниками не потому, что чувствуют отчуждение, а из-за несовершенства социальной среды в домах, школах, на заводах и в других местах.

Мы можем пойти путем, уже проторенным физикой и биологией, обратившись непосредственно к связи между поведением и окружающей средой, игнорируя предполагаемые сопутствующие состояния сознания. Физика не продвинулась вперед, внимательно изучая ликование падающего тела, а биология – природу жизненного духа, и не нужно пытаться выяснить, чем на самом деле являются личности, состояния ума, чувства, черты характера, планы, цели, намерения или другие предпосылки отдельного человека, чтобы перейти к научному анализу поведения.

Существуют причины, по которым нам потребовалось так много времени, чтобы достичь этой точки. Вещи, изучаемые физикой и биологией, ведут себя не так, как люди, и в конце концов кажется довольно нелепым говорить о ликовании падающего тела или импульсивности снаряда. Однако люди ведут себя как люди, человек внешний, поведение которого нужно объяснить, может быть похож на человека внутреннего, поведение которого, как считается, все объясняет. Внутренний создан по образу и подобию внешнего.

Более важной причиной является то, что внутренний человек иногда кажется наблюдаемым непосредственно. Мы можем лишь предполагать ликование падающего тела, но разве не можем *ощутить* собственное ликование? Мы действительно чувствуем что-то под кожей, но не чувствуем того, что придумано для объяснения поведения. Одержимый не ощущает *демона* и даже может отрицать его существование. Малолетний преступник не чувствует своей *нарушенной личности*. Умный не чувствует своего *интеллекта*, а интроверт – собственной *интро-*

версии. (На самом деле измерения ума или характера, как считается, можно наблюдать только с помощью сложных статистических методов.) Говорящий не чувствует *грамматических правил*, которые, предположительно, применяет при составлении предложений, а ведь люди говорили грамотно на протяжении тысяч лет до того, как кто-то узнал о существовании правил. Респондент анкеты не чувствует *установок или мнений*, заставляющих его отмечать пункты определенным образом. Мы ощущаем определенные состояния тела, связанные с поведением, но, как отмечал Фрейд, ведем себя точно так же, когда не чувствуем их; это побочные продукты, которые не следует путать с причинами.

Есть гораздо более существенная причина, по которой мы так медленно отказываемся от менталистских объяснений: трудно найти альтернативы. Предположительно, их нужно искать во внешней среде, хотя роль среды отнюдь не ясна. Данная проблема хорошо видна на примере истории теории эволюции. До XIX века окружающая среда рассматривалась как пассивное окружение, в котором рождалось, воспроизводилось и умирало множество различных видов организмов. Никто не понимал, что окружающая среда ответственна за существование *множества* различных видов организмов (и этот факт, что немаловажно, приписывался творческому Разуму). Беда в том, что среда действует незаметно: не толкает и не тащит, а *отбирает*. В течение тысячелетий в истории человеческой мысли процесс естественного отбора оставался незамеченным, несмотря на чрезвычайную важность. Когда его в конце концов обнаружили, он, конечно же, стал ключом к теории эволюции.

Влияние окружающей среды на поведение оставалось неясным еще дольше. Мы можем видеть, что организмы делают с окружающим их миром, как берут из него нужное и отгораживаются от опасностей. Гораздо труднее увидеть, что делает с ними мир. Именно Декарт⁹ впервые предположил, что окружающая среда способна играть активную роль в определении поведения, и, по-видимому, он смог сделать это только потому, что ему была дана четкая подсказка. Он знал о некоторых автоматах в королевских садах Франции, которые приводились в действие гидравлически с помощью скрытых клапанов. Как описывал Декарт, люди, входящие в сад, «обязательно ступают на определенные плитки или плиты, расположенные так, что при приближении к купающейся Диане они заставляют ее скрыться в кустах роз, а при попытке последовать за ней вызывают Нептуна, выходящего им навстречу, угрожая трезубцем». Фигуры интересны потому, что вели себя как люди, и, следовательно, оказалось, нечто очень похожее на человеческое поведение можно объяснить механически. Декарт понял намек: живые организмы могут двигаться по аналогичным причинам. (Он исключил человеческий организм, предположительно чтобы избежать религиозной полемики.)

Запускающее действие окружающей среды стали называть «стимулом», что в переводе с латыни означает «толчок», а воздействие на организм – «реакцией», и вместе они составляли «рефлекс». Они были впервые продемонстрированы на маленьких обезглавленных животных – саламандрах, – и здесь важно отметить: этот принцип оспаривался на протяжении всего XIX века, поскольку очевидно отрицал существование автономного агента – «души спинного мозга», – которому приписывалось движение обезглавленного тела. Когда Павлов показал, как выработать новые рефлексy путем обусловливания, родилась полноценная психологическая модель «стимул – реакция», где все поведение рассматривалось как реакция на стимулы. Один писатель выразил это следующим образом: «Нас подталкивают или бьют плетью на протяжении всей жизни»¹⁰. Однако модель «стимул – реакция» так и не стала особенно убедительной и не решила основной проблемы, поскольку для преобразования стимула в реакцию требова-

⁹ Descartes R. *Traite de l'homme*. 1662.

¹⁰ «Нас подталкивают или бьют плетью на протяжении всей жизни»: Holt E. B. *Animal Drive and the Learning Process*. New York: Henry Holt & Co., 1931.

лось придумать что-то вроде внутреннего человека. Теория информации столкнулась с той же проблемой, когда для преобразования входных данных в выходные пришлось изобрести внутренний «процессор».

Заметить эффект вызывающего стимула относительно легко. Неудивительно, что гипотеза Декарта долгое время занимала доминирующее положение в теории поведения. Однако это обман зрения, от которого научный анализ оправляется только сейчас. Окружающая среда не только подталкивает или подгоняет, она *отбирает*. Ее роль сходна с ролью естественного отбора, хотя в совершенно иных временных масштабах, и по той же причине ее упускали из виду. Теперь ясно: мы должны принимать во внимание то, что окружающая среда делает с организмом не только до, но и после его реакции. Поведение формируется и поддерживается последствиями. Стоит это признать, и удастся куда полнее описать взаимодействие между организмом и окружающей средой.

Здесь есть два значимых результата. Один касается базового анализа. Поведение, воздействующее на окружающую среду, чтобы вызвать последствия («оперантное»), можно изучать, организуя среду, где от него зависят конкретные последствия. Исследуемые условия постоянно усложняются и одно за другим берут на себя объяснительные функции, ранее возложенные на личности, душевные состояния, чувства, черты характера, цели и намерения. Вторым результатом носит практический характер: окружающей средой можно манипулировать. Правда, генетические задатки человека меняются медленно, а изменения в окружающей среде дают быстрый и сильный эффект. Технология оперантного поведения¹¹, как мы увидим, хорошо развита и может оказаться соизмеримой с нашими проблемами.

Данная возможность поднимает и другую проблему, требующую решения, если хотим воспользоваться нашими достижениями. Мы продвинулись вперед, избавившись от идеи автономности, которая ушла не без труда. Она ведет своего рода оборонительные действия, в которых, к сожалению, может заручиться мощной поддержкой. Она по-прежнему является важной фигурой в политологии, праве, религии, экономике, антропологии, социологии, психотерапии, философии, этике, истории, образовании, воспитании детей, лингвистике, архитектуре, градостроительстве и семейной жизни. В этих областях есть свои специалисты, и у каждого существует теория, и почти в каждой автономия личности не подвергается сомнению. Внутреннему человеку не угрожают данные, полученные в результате повседневного наблюдения или изучения структуры поведения, а многие из областей имеют дело лишь с группами людей, где статистические или актуарные данные почти не накладывают ограничений на личность. В результате возникает огромный груз традиционных «знаний», которые должны быть скорректированы или вытеснены научным анализом.

Особую тревогу вызывают два свойства автономного человека. Согласно традиционной точке зрения, человек свободен. Он автономен в том смысле, что его поведение ничем не обусловлено. Его можно считать ответственным за поступки и справедливо наказывать, если он совершает правонарушения. Данная точка зрения, а также связанные с ней практики необходимо пересмотреть, поскольку научный анализ выявляет незамеченные контролирующие отношения между поведением и окружающей средой. С определенным количеством внешнего контроля можно мириться. Теологи приняли как факт, что человеку нужно предоставить возможность поступать так, как известно всеведущему Богу, и греческий театр взял неумолимость судьбы в качестве любимой темы. Прорицатели и астрологи часто утверждают, что могут предсказывать поступки людей, и их услуги всегда пользовались спросом. Биографы и историки искали «влияния» в жизни отдельных людей и целых народов. Народная мудрость и мысли

¹¹ Практическое применение оперантного поведения: Ulrich R., Stachnik T., and Mabry J., eds. Control of Human Behavior, vols. 1 and 2. Glenview, Ill.: Scott, Foresman & Co., 1966 and 1970.

таких эссеистов, как Монтень¹² и Бэкон¹³, предполагают некую предсказуемость человеческого поведения, и в этом же направлении указывают статистические и актуарные доказательства социальных наук.

Автономная личность остается в живых перед лицом всего этого, являясь удачным исключением. Теологи примирили предопределение со свободой воли, а древнегреческая публика, проникнувшись изображением неотвратимой судьбы, вышла из театра свободными людьми. Ход истории менялся смертью вождя или штормом в море, как жизнь меняется учителями или любовными отношениями, но эти вещи случаются не со всеми и не на всех влияют одинаково. Некоторые историки подчеркивают непредсказуемость истории. Актуарные данные легко игнорируются; мы читаем, что сотни людей погибли в дорожно-транспортных происшествиях в праздничные выходные, и выходим на дорогу, как будто это не касается нас лично. В науке о поведении мало кто упоминает о «призраке предсказуемого человека». Напротив, многие антропологи, социологи и психологи использовали профессиональные знания, чтобы доказать: человек свободен, сознателен и ответственен. Фрейд был детерминистом – на веру, если не на основании фактов, – но многие фрейдисты без колебаний заверяют пациентов, что те свободны в выборе различных вариантов действий и в конечном счете являются архитекторами своих судеб.

Этот выход постепенно закрывается по мере открытия новых свидетельств предсказуемости человеческого поведения. Личное исключение из абсолютного детерминизма отменяется по мере продвижения научного анализа, особенно в учете поведения индивида. Джозеф Вуд Кратч¹⁴ признал актуальные факты, настояв при этом на свободе личности: «Мы можем со значительной степенью точности предсказать, сколько людей отправится на берег моря в день, когда температура достигнет определенной отметки, даже сколько людей прыгнет с моста... хотя никто из нас не обязан делать ни то ни другое». Вряд ли он имеет в виду, что те, кто идет на берег моря, не идут туда по уважительной причине или что обстоятельства жизни самоубийцы не влияют на его прыжок с моста. Такое различие имеет смысл, пока слово «принуждать» предполагает особенно заметный и насильственный способ контроля. Научный анализ, естественно, движется в направлении прояснения всех видов контролирующих отношений.

Подвергая сомнению осуществление контроля автономной личностью и демонстрируя контроль, оказываемый окружающей средой, наука о поведении также, по-видимому, ставит под сомнение достоинство или значимость. Человек несет ответственность за собственное поведение не только в том смысле, что его можно справедливо обвинить или наказать, когда он плохо себя ведет, но и в том, что он должен получать похвалу и восхищаться своими достижениями. Научный анализ переносит как заслугу, так и вину на окружающую среду, и в этом случае нельзя оправдывать традиционные практики. Это радикальные изменения, и сторонники традиционных теорий и практик, естественно, сопротивляются.

Есть и третий источник проблем. Когда акцент переносится на среду, личность, как представляется, подвергается новому виду опасности. Кто и с какой целью должен конструировать контролируемую среду? Автономная личность, предположительно, управляет собой в соответствии со встроенным набором ценностей; она работает ради того, что считает благом. Но что считает благом предполагаемый контролер и будет ли это благом для контролируемых? Ответы, конечно же, требуют ценностных суждений.

Свобода, достоинство и значимость – главные вопросы, и, к сожалению, они становятся все более важными по мере того, как мощь технологии поведения становится почти соизме-

¹² Мишель де Монтень – французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты» (Прим. ред.).

¹³ Фрэнсис Бэкон – английский философ, историк, публицист, государственный деятель, основоположник эмпиризма и английского материализма (Прим. ред.).

¹⁴ Джозеф Вуд Кратч – американский писатель и ученый. Krutch J. W., New York Times Magazine, July 30, 1967.

римой с требующими решения проблемами. Сами изменения, давшие надежду на решение подобных трудностей, вызывают растущее противодействие предлагаемому решению. Конфликт сам по себе является проблемой человеческого поведения и может быть рассмотрен как таковой. Наука о поведении продвинулась не так далеко, как физика или биология, но у нее есть преимущество: она может пролить свет на собственные трудности. Наука – это человеческое поведение, как и противодействие ей. Что происходит в борьбе человека за свободу и достоинство и какие трудности возникают, когда научные знания начинают играть в этой борьбе существенную роль? Ответы могут помочь расчистить путь для технологии, в которой мы так остро нуждаемся.

Далее эти вопросы обсуждаются «с научной точки зрения», но это не означает, что читатель должен разбираться в деталях научного анализа поведения. Достаточно простой интерпретации. Однако ее природу легко понять неправильно. Мы часто говорим о вещах, которые не можем с точностью, требуемой научным анализом, наблюдать или измерять, поэтому не помешает использовать термины и принципы, выработанные в более точных условиях. Море в сумерках светится странным светом, иней на оконном стекле образует необычный узор, а суп на плите не загустевает, и специалисты объясняют причину. Конечно, можно оспорить их утверждения: нет «фактов», их слова нельзя «доказать». Тем не менее вероятность их правоты выше, чем у тех, кто не имеет экспериментального опыта. В итоге лишь они могут подсказать, как перейти к более точному исследованию, если это покажется целесообразным.

Экспериментальный анализ поведения дает аналогичные преимущества. Когда мы наблюдаем поведенческие процессы в контролируемых условиях, легче заметить их в окружающем мире. Мы можем выделить существенные особенности поведения и окружающей среды и, следовательно, пренебречь несущественными, какими бы увлекательными они ни были. Мы можем отказаться от традиционных объяснений, если они испробованы и признаны несостоятельными в ходе экспериментального анализа, а затем продолжить исследование с незатухающим любопытством. Приведенные ниже примеры поведения не являются «доказательством» интерпретации. Подтверждение следует искать в основном анализе. Используемые при интерпретации примеров принципы обладают правдоподобием, которого не хватило бы принципам, выведенным исключительно на основе случайного наблюдения.

Текст часто будет казаться непоследовательным. Все человеческие языки полны донучных терминов, которых обычно достаточно для простого разговора. Никто не посмотрит на астронома косо, если тот скажет, что солнце встает или звезды выходят ночью, – нелепо настаивать, чтобы он постоянно повторял: солнце появляется над горизонтом при повороте Земли, а звезды становятся видимыми, когда атмосфера перестает преломлять солнечный свет. Мы попросим дать более точный вариант утверждения при необходимости. В языке гораздо больше выражений, связанных с поведением человека, чем с другими аспектами мира, и непривычнее видеть технические альтернативы. Использование повседневных выражений с гораздо большей вероятностью будет оспорено. Может показаться непоследовательным просить читателя «держаться что-то в уме», если его предупредили, что ум – это объяснительная фикция. Или «рассмотреть идею свободы», если идея – просто воображаемый предшественник поведения. Или говорить об «успокоении тех, кто боится науки о поведении», когда речь лишь об изменении их поведения по отношению к такой науке. Книга могла бы быть написана для профессионального читателя без подобных выражений, но вопросы важны для неспециалиста и должны обсуждаться не только в техническом ключе. Несомненно, многие менталистские выражения не сформулировать так же строго, как «восход солнца», но приемлемые варианты вполне доступны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.